

ЛЖЕПРОРОКЪ УШУРМА-ШИХЪ МАНСУРЪ

(Изъ исторіи религіозныхъ движеній на Кавказѣ)

I

Несмотря на обиліе сочиненій, отдѣльно изданныхъ, разбросанныхъ въ періодической печати и помѣщенныхъ въ специально посвященныхъ изученію Кавказа „Сборникахъ“, исторія его далеко еще не разработана вполне. Смотришь,—то тамъ, то тутъ промелькнетъ кое-что изъ прошлаго Кавказа, о чемъ не вѣдали прежніе изслѣдователи. Особенно мало удѣлено вниманія духовно-религіозному развитію тамошнихъ поселенцевъ, какъ христіанскихъ, такъ магометанскихъ. и еще менѣе языческихъ исповѣданій. Между тѣмъ вопросъ этотъ очень важенъ для опредѣленія начала сложившихся міровоззрѣній и измѣненія взглядовъ туземцевъ на религію, законъ и нравственность. Не говоря уже о руководителяхъ религіозныхъ движеній старыхъ годовъ, мало извѣстны даже позднѣйшихъ лѣтъ пропагандисты. Какъ справедливо отмѣчаетъ въ вып. 4 Русскаго Архива с. г. С. В. Фарфоровскій, до сей поры не выяснена вполне личность чеченскаго лжепророка, фигурирующаго въ нашей исторической литературѣ подъ кличкой шейха¹⁾ Мансура, хотя въ дѣйствительности имя это не было его собственнымъ. Повидимому, заимствовалъ онъ его для большей убѣдительности послѣдователей въ своей высокой миссіи отъ казанскихъ Татаръ, промышлявшихъ торговлей въ Кизлярѣ, Дагеставѣ и Чечнѣ, ибо съ такимъ же названіемъ оперировалъ въ тѣхъ же годахъ среди инородцевъ Оренбургскаго края какой-то башкирецъ, личность котораго также не установлена официальными документами.²⁾

¹⁾ Шейхъ, шихъ, т. е. святой.

²⁾ „О лже-пророкѣ Мансурѣ“ еще въ 1892 году помѣщена мною (на основаніи документовъ Оренбург. централ. архива) записка въ № 22—23 „Уфимск. Губер. Вѣдомостей“. Къ сожалѣнію, въ настоящее время лишена возможности отыскать ее, чтобы возстановить текстъ на страницахъ Русскаго Архива.

Нѣкоторые свѣдѣнія о Чеченскомъ пророкѣ сохранились въ дѣлахъ бывшей канцеляріи Кизлярскаго коменданта, *) по которымъ, однако вырисовывается онъ далеко не такимъ, какъ его представляютъ легендарныя сказанія. До начала политической дѣятельности онъ былъ пастухомъ въ чеченской деревнѣ Алды. Официальныя данныя именуютъ его *Ушурмой*; тавлинцы называли его *Учерманомъ*.

Слухи о немъ стали распространяться по Кавказской линіи въ началѣ 1785 года. 19 Марта костиковскій владѣлецъ Ханца Алишевъ писалъ Кизлярскому коменданту, бригадиру Ивану Николаевичу Вишнякову: „Въ Алдинской деревнѣ оказался какой то человекъ, къ которому весь татарскій народъ, вѣря, ѣздитъ“. Брагушинскіе „князья“ Балашовъ и Мударовъ называли его „лжецомъ“, который „съ своей воровской партіей хочетъ напасть на Россійскія селенія“. 3 Апрѣля стало извѣстно, что „шихъ“ разослалъ письма по всемъ чеченскимъ ауламъ, начиная „отъ Андреевской деревни до самаго Дербента, дабы „сволочь“ собиралась въ половинѣ этого мѣсяца „на степь Чоры, откуда намѣревался онъ двинуться въ Кизляръ.“

Аксаевцы, андреевцы и тавлинцы непременно хотѣли выступить въ походъ 15 Апрѣля. „Дагестанцы ни о чемъ нынѣ больше не заботятся, писалъ аксаевскій армянинъ Мисясовъ,—лишь бы поскорѣе идти на Кизляръ; каждая улица дѣлаетъ знамена и прочія вещи“. Кумыцкіе владѣльцы заявили коменданту о вѣрности, а между тѣмъ подвластные ихъ распродаютъ свое имущество, закупаютъ коней и исправляютъ военную аммуницію. „Татары терпѣть не могли живущихъ среди нихъ христіанъ“ (армянъ).

Среди „множества“ посѣщавшихъ Ушурму горцевъ „не находилось никого, кто бы не вѣрилъ ему.“ Все признавали его „шихомъ“ (т. е. святымъ). Находившіеся при немъ дагестанскіе, чиркеевскіе, кумыціе и салатовскіе кадїи (судьи), муллы и „другіе ученые“ писали и къ кабардинскимъ владѣльцамъ, требуя почитать его за шиха и имама. Въ письмахъ они говорили: „Бога ради подавайте милостыню, никого не обижайте, ежели кто убилъ кого,—прощайте, не пьянствуйте, табаку не курите“,—такъ будто бы требовалъ имамъ.

Однако, далеко не безкорыстно проповѣдывалъ онъ эти истины и „учреждалъ духовный судъ“ надъ туземцами. „Дагестанскій народъ

*) Дѣла эти нынѣ хранятся въ архивѣ Терскаго област. правленія, влз. 284, 286 и 364.

ѣздили къ нему съ приношеніями изъ движимаго имѣнія, по достаткамъ cadaго“. И шихъ не отказывался принимать эти подарки.

Какъ большинство мусульманскихъ „святошей“, не брезговалъ Ушурма и прибѣгать къ лжи и къ распространенію невѣрныхъ свѣдѣній, лишь бы привлечь къ себѣ большее число послѣдователей и упрочить свою славу.

Когда въ концѣ Іюня шайка его уничтожила Каргинскій редутъ, въ которомъ находилось не больше трехъ десятковъ казаковъ, онъ „далъ знать во всѣ мѣста, что Россійскихъ войскъ не мало побито и четыре пушки захвачены. Чему магометане весьма радовались.“

Ушурма снова сталъ вербовать шайки. Хотя охотниковъ поживиться Русскимъ добромъ находилось немало, однако и на этотъ разъ не всѣ горцы Сѣвернаго Кавказа пристали къ нему, повидимому, больше изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ Русскихъ, ибо все равно—при удачѣ или не удачѣ—Россія не могла оставить ихъ дерзновенныхъ поступковъ безъ наказанія.

Въ началѣ Іюли выборные отъ карабудахцевъ, кабадонцевъ и елиферцевъ ѣздили въ г. Тарки совѣтоваться съ Шамхаломъ, какъ поступить имъ на приглашеніе шиха. Шамхаль отвѣтилъ: „кто пойдетъ воевать на Русскихъ, тотъ будетъ непріятель мнѣ.“ Его примѣру послѣдовали оксаевскіе князья и мурзы. Только андеевскіе жители дали слово имаму быть въ его повиновеніи, да костиковскій владѣлецъ съ узденями, слышно, былъ у него. Аверскій умханъ даже „пріудержался итти съ войсками въ Турцію“ и остался на мѣстѣ, прося шиха дать знать ему, когда нужно выступать „для учиненія Россіи зла.“ Пріѣзжали въ Алдинскую деревню и кабардинскіе князья, чтобы „переманить его къ себѣ,“ но имамъ ѣхать къ нимъ отказался, требуя отъ нихъ придти къ нему съ собраннымъ войскомъ.

Разсказывали, однако, что его замысламъ препятствоваль жившій въ дер. Шали девятилѣтній мальчикъ Юсупъ (Іосифъ), сынъ Чеченца Батырхана Усманава. до того не знавшій никакой грамоты и, вдругъ сразу начавшій читать и писать. По словамъ его матери, случилось это при такихъ необычайныхъ обстоятельствахъ.

„Въ одну ночь, лежа на постели, мальчикъ сквозь сонъ сталъ произносить тѣ молитвы, которыя обыкновенно отправляются мусуль-

манами при намазѣ. Мать дивилась тому и разбудила сына. Но онъ ее прогналъ, дабы она его болѣе не беспокоила и съ тѣмъ паки уснулъ и уже во всю ночь читать не переставалъ“. По утру онъ всталъ не такимъ, какъ прежде, веселымъ, а нѣсколько печальнымъ. Въ полдень, когда настало время отправленія намаза (т. е. моленія), онъ „исправилъ“ его съ своими родными, какъ бы ученый мулла. Вечеромъ пошелъ вмѣстѣ съ другими въ мечеть, гдѣ отправилъ „богомоленіе, какъ для себя собственно, такъ и уча бывшихъ съ нимъ обитателей дер. Шалинской“. Нѣкоторые сочли его за „волшебника“, а другіе говорили: „онъ получилъ даръ свыше.“

Со словъ сына, мать рассказывала сельчанамъ, что будто, когда онъ ложится на ночь спать,—къ нему является человѣкъ въ зеленомъ¹⁾ кафтанѣ и красной чалмѣ и вынимаетъ изъ него „духъ“ (душу), оставляя въ тѣлѣ, вмѣсто того какую то трубку. Духъ возводилъ его на небо „въ покой“, гдѣ сидящій человѣкъ, лицомъ красенъ, одѣтый въ зеленое платье съ чалмою красною, на подобіе абрендія(?), спрашивалъ его о земныхъ обитателяхъ. На это мальчикъ отвѣчалъ: „теперь мусульмане отправляютъ законъ „съ совершеннымъ наблюденіемъ“ и живутъ въ тишинѣ.“ Небесный человѣкъ научалъ его чтенію Алкорана, обѣщая дать ему эту книгу. И въ такомъ положеніи, подтверждали мѣстные и сосѣдніе жители, находился мальчикъ часа два, только не каждую ночь, а „временами“; иногда черезъ одну ночь, иногда черезъ двѣ.

„Назадъ тому съ мѣсяцъ,—говорилъ 23 Сентября 1785 года коменданту аталынецъ Тіевъ,—видѣлъ я того мальчика въ его домѣ, гдѣ онъ отправлялъ намазъ, на которомъ должно читать молитвы поарабски. Онъ же пишетъ и читаетъ Алкоранъ совсѣмъ на неизвѣстномъ Чеченцамъ языкѣ, но истолковываетъ содержаніе тѣхъ писаній и Корана по чеченски. Это письма я самъ видѣлъ. Шалинскій мулла спросилъ его „на какомъ ты языкѣ читаешь?“ Мальчикъ отвѣтилъ: „приказано мнѣ сказать отъ учителя моего: читаю я на языкѣ „Исусовомъ“, а буде сей (языкъ?) вамъ не угоденъ, старайтесь изучить его на своемъ.“²⁾ Тогда муллы оставили его въ покоѣ.

¹⁾ Священный цвѣтъ магометанъ.

²⁾ Необходимо пояснить, что большинство горцевъ въ XVIII столѣтіи было еще язычники. Въ 1763 и 1768 г. Ингуши и Кабардинцы просили Русское правительство окрестить ихъ въ православную вѣру. Но, увы, желаніе ихъ не было исполнено, чѣмъ воспользовались турецкіе проповѣдники, переманивъ часть ингушей и чеченцевъ тогда же въ исламъ, однако послѣдніе далеко еще не были твердо увѣрены въ свитости и непогрѣшимости этого исповѣданія.

Жители относились къ мальчику съ „великимъ почтеніемъ“ и повиновались его наставленіямъ—исправлять законъ на такихъ точно правилахъ, какъ предписано въ Алкоранѣ, „кольми паче убѣгать воровства и другихъ шалостей.“ Съ дѣтми Юсупъ не забавлялся, а водилъ знакомство только съ „духовными особами“.

„Приходили къ нему „многіе на поклоненіе“ изъ другихъ деревень, но подарковъ онъ ни отъ кого не бралъ. Какъ я слышалъ отъ сестры его, Юсупъ трехъ „бѣснующихъ“ исцѣлилъ своей молитвой. Пріѣзжалъ къ нему и имамъ, обласкалъ его и называлъ своимъ сыномъ; но мальчикъ ничего на это ему не отвѣтилъ.“

Когда лжепророкъ пошелъ къ Кизляру, Юсупъ увѣрялъ жителей Шалинскихъ, что удачи ему не будетъ; „Россійскимъ оружіемъ онъ будетъ разбитъ“. Однако народъ не вѣрилъ этому, потому будто, что „шихомъ взято много деревень Русскихъ.“

И дѣйствительно, собравъ въ началѣ Августа разнородную шайку на урочищѣ Садеръ-Месѣ, близъ Чеченскихъ ауловъ, Ушурма двинулся на линію, раздѣливъ ее на двѣ части. Но одна изъ нихъ потерѣла поражение еще не доходя до границы на правой сторонѣ р. Терека противъ станицы Щедринской, а другая—21-го Августа получила рѣшительный ударъ подъ г. Кизляромъ.

Шихъ скрылся въ дер. Шали. „Войска у него ничего не осталось.“ Клочки его сброда разбѣжались. Однако это не обезкуражило имама. Онъ все таки не покидалъ мечты вытѣснить Русскихъ съ Кавказа. Носились слухи, что опять намѣренъ онъ собирать шайки. Въ началѣ сентября Ушурма писалъ къ андреевскимъ и аксаевскимъ князьямъ, требуя отъ нихъ аманатовъ*) „дабы они были послушны его повелѣніямъ.“ Аксаевцы воздержались исполнить это требованіе, но андреевцы присягнули ему, „послали аманатчиковъ“ и обѣщали вступить въ его партію. Призывныя письма были разосланы и въ другія горскія селенія съ нарочными.

Мало по малу стали стекаться головорѣзы, которымъ терять было нечего. 20 Сентября шайка „изъ разныхъ горскихъ бродягъ,“ пройдя аулъ Байрамъ, расположилась на рѣчкѣ Дурмандебродѣ въ 10 вер. отъ дер. Костиковской, гдѣ хотѣла для чего то строить укрѣпленіе.

*) Т. е. заложниковъ.

Наканунѣ (19 числа) имамъ заѣзжалъ къ владѣльцу Андреевской деревни, очевидно, съ намѣреніемъ заставить подвластныхъ послѣдняго присоединиться къ его толпѣ. Къ 26 числу шайка, собранная изъ ближайшихъ ауловъ, достигла 2 тыс. человекъ, остановившись лагеремъ „къ сторонѣ Гурюльдеука.“ „Дальніе горы и чеченцы еще не пріѣзжали.“ Особенно медлили кумыки, не желая, должно быть, подвергать себя бесполезному риску. Это сильно взбудоражило шиха. Въ началѣ Октября онъ „говорилъ своимъ: ежели никто изъ князей и узденей кумыцкихъ ко мнѣ не послѣдуетъ, буду грабить ихъ; начну съ Костиковцевъ.“ Владѣлецъ послѣднихъ Али-султанъ Канбулатовъ отвѣтилъ ему: „когда подчинишь брагунцовъ и девлетгирейцевъ, тогда и кумыки придутъ къ тебѣ.“

„Будучи огорченъ симъ,“ 11 числа имамъ со „сволочью“ поднялся съ прежняго стана отъ р. Козмы и подвинулся вверхъ на урочищѣ Байтюде, между рр. Ирыкъ-су и Яманъ-су, недалеко отъ дер. Аксеевской, но на дачѣ андреевскаго владѣльца Аджи-Муртазалия, разстояніемъ отъ Козмы верстахъ въ 25-ти. На другой день къ вечеру послалъ онъ небольшую партію къ брагунцамъ. Но послѣдніе не допустили абрековъ¹⁾ завладѣть ею.

—Вы зачѣмъ къ намъ пріѣхали?—спрашивали ихъ жители.

—Насъ послалъ шихъ,—кричали издали разбойники.—Онъ самъ къ вамъ пріѣдетъ. Идите къ нему.

Но никто не откликнулся на ихъ зовъ. Такъ на другой день „передъ свѣтомъ“ они уѣхали ни съ чѣмъ, переправившись на другую сторону р. Сунжи.

Въ это время (13 числа) Ушурма выступилъ ближе къ р. Тереку и расположился у бугра Кенжибай-Тюбе, между станицами Новогладковской и Шелкозаводской, верстахъ въ 15-ти отъ Терёка. Здѣсь онъ „положилъ намѣреніе“ подчинить себѣ брагунцевъ, потомъ Девлетгиреевскую деревню „привести въ послушаніе.“ Если же они „не согласятся съ нимъ,“ то угнать у нихъ скотъ и причинить имъ разореніе; буде согласятся,—то найдя удобный переходъ черезъ Терекъ на лѣвую сторону²⁾, и отыскавъ „способное“ мѣсто, „сдѣлаю на немъ

1) Т. е. разбойниковъ.

2) Гдѣ была расположены линія станицъ и редутовъ.

укрѣпленіе, изъ котораго буду посылать партіи“ для грабежей казачьихъ станицъ и сосѣднихъ съ ними ногайцевъ, „а по завладѣніи ими, пойду на Кизляръ.“

26 Октября онъ привелъ въ исполненіе часть этого плана: нагрнулъ въ Брагуны, силою взялъ съ 20 дворовъ по одной скотинѣ и по сабѣ¹⁾ муки съ каждаго дома, „выговаривая“ при этомъ: „если не хотите дать этого,—разграблю васъ.“—Расхитивъ всё оставшіяся послѣ армянъ въ домахъ вещи, шайка сожгла стоящій на „Горячихъ колодцахъ“²⁾ казенный домъ и скрылась за рѣкой.

Къ сожалѣнію, на этомъ кончаются архивныя свѣдѣнія о дѣятельности Ушурма за 1785 г. Дальнѣйшія данныя касаются слѣдующаго года.

II.

Въ началѣ Января зачѣмъ то пріѣзжали къ шиху четверо Кабардинцевъ. Было у него еще трое Турокъ, которые звали его къ Ахалцыхскому пашѣ для переговоровъ, увѣряя его, что когда будутъ нужны пушки, порохъ, деньги и люди, то паша дастъ ихъ ему.

—Теперь мнѣ ѣхать не можно,—сказалъ имъ Ушурма,—пуекай паша пришлетъ деньги. порохъ и пушки, а людей у меня довольно.

Какъ доносили наши лазутчики, табасарскій аджи увѣрилъ шиха въ присылкѣ войскъ; Аварскій ханъ обѣщалъ самъ прибыть съ людьми, какъ только будетъ лошадямъ кормъ (въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ) и тогда же предполагалось прибытіе турецкаго войска, чтобы идти на Кизляръ. Обѣщая имаму поставитъ 7 тыс. человекъ, Козыкумыкскій ханскій сынъ Хамутай спрашивалъ его письмомъ, въ какое время прибыть имъ. Ушурма „велѣлъ“ пріѣзжать, какъ только народится будущій мѣсяцъ.

—Тогда я выѣду въ поле на р. Койсу и остановлюсь тамъ станомъ.

Съ прибывшимъ посланцемъ отправилъ онъ Казыкумыкскому хану полученныя имъ отъ Турецкаго султана(?) и Аварскаго Умхана письма съ обѣщаніемъ помощи.

¹⁾ Саба—мѣшокъ.

²⁾ Такъ называются сѣрные источники, извѣстные въ то время подъ именемъ „Теплицъ св. Петра,“ около коихъ нынѣ расположена станица барятинская (Горячеисточинская).

23 Марта стало извѣстно на линіи, что изъ Шали имамъ хочетъ перебраться въ урочищѣ Мортонъ близъ дер. Карабулакской, куда придутъ два кабака¹⁾ изъ Малой Кабарды. Владѣлецъ послѣдней „говориль“, что туда переселятся и живущіе „на сей сторонѣ“ р. Сунжи татары. Ушурма приказалъ перейти на это мѣсто и брагунцамъ съ девлетгиреевцами. Чеченцы и горячевцы уже передались ему. Онъ ждалъ еще отвѣта отъ владѣльца Большой Кабарды, къ которому послалъ нарочнаго.

Въ началѣ Апрѣля Ушурма „собрался съ чеченскимъ народомъ“ въ дер. Качкальской, „гдѣ сдѣлалъ съ живущими въ оной единеніе.“ Отсюда, не добывая нѣсколько дер. Аксаевой, расположился лагеремъ и „уговаривалъ аксаевцевъ.“ Но владѣльцы послѣднихъ ему не подчинились, „народъ“ же присталъ къ нему и вмѣстѣ „поѣхали въ Андреевскую деревню для учиненія совѣта.“

Какъ доносилъ 7 Апрѣля кизлярскому коменданту владѣлецъ послѣдней Темиръ Хамзинъ, на этомъ собраніи имамъ „совѣтовалъ“ андреевцамъ и аксаевцамъ: „если кто къ Россійской сторонѣ поѣдетъ для учиненія зла, таковыхъ не пропускать и за то грабить у нихъ дома и брать штрафъ: за воровство нещадно наказывать также штрафомъ. Проѣзжіе торговые караваны грузинъ, татаръ и армянъ уговорились пропускать, чему дали присягу.“

Всѣ жившіе „по сей сторонѣ“ Кабарды²⁾ народы: андреевцы, аксаевцы и прочіе „даже до Карабулака“ согласились давать ему *истурманъ*³⁾ по два человѣка съ каждаго „купа“ (мечети), чтобы ѣздить по окрестнымъ дорогамъ развѣдомъ въ видѣ „караула“ и „проѣзжающихъ изъ четырехъ сторонъ негодныхъ людей до зла не допускать.“ Особенно не „дѣлать зла Россійской сторонѣ.“

—Въ прошломъ году,—добавилъ Ушурма,—ѣздили туда напрасно.

Видимо, онъ созналъ наконецъ, что борьба съ Россіей не подъ силу для него съ плохо организованными шайками туземцевъ, хотя умѣвшихъ хорошо владѣть оружіемъ въ одиночку, но мало стойкихъ въ общей массѣ. Откуда то добылъ онъ „Россійскаго барабанщика съ точно такимъ же барабаномъ, какіе существовали въ Русскихъ полкахъ и употреблялъ оный для сбора народа.“ Но этого, конечно, было

1) Т. е. селенія.

2) Значить—восточнѣе, ближе къ Каспійскому морю.

3) Т. е. выборныхъ отъ общества.

далеко недостаточно, чтобы сформировать стройное, дисциплинированное войско, обученное для дѣйствія въ бою и умѣвшее примѣняться къ обстоятельствамъ. А самое главное, не было у него орудій и ощущался недостатокъ въ огнестрѣльныхъ припасахъ.

Лжепророкъ „привелъ народъ въ раскаяніе.“ Горцы „предались въ точное его повиновеніе и совсѣмъ не въ состояніи быть въ подданствѣ Ея Императорскаго Величества.“ Онъ обѣщалъ имъ „сдѣлать спокойствіе.“

Въ половинѣ Апрѣля съ собранными отъ каждой деревни „десятками,“ коихъ набралось до 500 душъ, пріѣхалъ Ушурма на рѣчку выше дер. Алды „для собиранія остальныхъ съ мечетей людей изъ Мыцинскихъ деревень,“ намѣреваясь послѣ того „привести къ окончанію зачатое имъ по духовенству установленіе,“ т. е. чтобы весь народъ только ему „имѣлъ повиновеніе,“ чтобы никакого воровства между ними не простиралось, а кто на то отважится, тѣхъ онъ будетъ наказывать смертю. Обѣщалъ „учинить сборъ въ деревняхъ на пропитаніе ниимущихъ людей.“ Установилъ онъ также подать съ каждой мечети, желая „употреблять этотъ сборъ для набора народовъ въ случаѣ надобности ему войска,“ поручивъ его татарамъ. Всѣ горцы согласились на то и дали послѣднимъ подписки, къ которымъ и Ушурма приложилъ свою печать. Въ тоже время было постановлено: „если съ Россійской стороны будетъ добыча, то тѣмъ Татарамъ давать часть противъ прочихъ съ излишествомъ.“

Отсюда Ушурма переѣхалъ на рѣчку, что течетъ между Сунжей и Гудермесомъ, гдѣ сдѣлалъ такое же постановленіе съ качкаликотцами, потомъ съ аксаевцами.

Въ это время пронесся слухъ, что за р. Каргинкой стоятъ Русскія войска „въ весьма слабомъ расположеніи, да и люди не очень твердаго духа и въ небольшомъ количествѣ.“ Ушурма хотѣлъ было „учинить на оное нападеніе, не давая о семъ знать въ большую публику,“ но почему то не сдѣлалъ этого. Должно быть, находящуюся у него въ сборѣ шайку онъ почиталъ недостаточной для такого дѣла. Но онъ успокоилъ горцевъ тѣмъ, что какъ только приведетъ „въ совершенство“ задуманное имъ устройство своего войска, то обязательно „предприметь путь на Россію для злодѣйства.“ Для этого рѣшилъ онъ разбить своихъ воиновъ на десятки, поставивъ во главѣ каждого *тамаду*¹⁾ съ тѣмъ, чтобы всякій десятокъ располагался своимъ *кошемъ*²⁾.

1) Тамада—начальникъ.

2) Кошъ, иначе шалашъ, въ данномъ случаѣ группа одного котла.

Однако, не всѣ туземцы сочувственно отнеслись къ его затѣѣ. Нѣкоторые не хотѣли давать ни податей, ни положеннаго числа людей. Тогда въ концѣ августа, Шихъ послалъ съ чеченцами Девлета наказать горскую деревню Хири. Посланные „истребили всю“ ее, плѣнили людей, а скоть и имѣніе взяли себѣ въ добычу.

29 числа этого мѣсяца, именуя себя имамомъ Мансуромъ, Ушурма прислалъ костиковскому владѣльцу Амишиву письмо, въ которомъ писалъ:

„Извѣстился я отъ народа, что ты съ тѣхъ подвластныхъ намъ людей, которые желаютъ идти по божеской дорогѣ, берешь штрафъ и дѣлаешь утѣсненіе, и точно чинишь сіе тѣмъ людямъ, которые обѣщали мнѣ подъ присягою быть противниками тому, кто намъ оное мыслить. Если сіе справедливо, то на меня уже не пеняй, ибо ты есть виновенъ, за что, если Богъ дастъ, я тебя разбужу. И что ты у нихъ взялъ,—возврати. Какое у тебя простирается намѣреніе,—отвѣтъ на семъ письмѣ. Напиши и пришли ко мнѣ скорѣе. Если ты боишься Россіи или кого другого, то я съ деревни Кюренды уйду въ спокойное мѣсто, такое точно, куда брагувинцы, девлетгиреевцы, чертонтогаевцы, сулнывцы и прочихъ деревень жители перекочевываютъ. Чеченцы, кабардинцы, андреевцы и проч., пока не помирятся съ Россіей, то не одинъ человекъ къ сему намѣренію не пристанетъ.“

А костиковскимъ жителямъ отправилъ онъ такое посланіе: „Если вы—магометанскаго закона и обязались мнѣ выѣхать, то посему выѣзжайте непременно въ пятницу или по крайней мѣрѣ въ субботу. Гдѣ же сего не исполнить, то на меня не пеняйте, ибо я противниковъ моимъ повелѣніямъ буду наказывать. Увѣдомьте меня, кто васъ на оное не пускаетъ—князя ваши или кто другіе, коихъ я помощью Бога буду своимъ войскамъ наказывать? Будьте вы точно увѣрены, что вышеписаннымъ противникамъ я оное наказанье учиню.“ (Письмо не подписано, но приложена къ нему чернильная печать съ именемъ „Имама Мансура.“)

Такія посланія произвели должное воздѣйствіе. Боясь за послушаніе Ушурмѣ съ одной стороны, какъ святому, кары Божьей, а съ другой—разоренія отъ него,—народъ не хотѣлъ слушать больше своихъ правителей. Владѣльцамъ деревень Кистиковской—Алишеву и Андреевской—Темирову стоило большихъ трудовъ въ продолженіе шести дней съ помощью „добропорядочныхъ людей“ убѣдить жителей „не вѣрять самозванцу и не отступать отъ подданства Русской Императрицѣ, а иначе мы погибнемъ всѣ.“ Они просили коменданта Вишнякова: „ради

Бога, пришлите къ намъ на вспоможеніе войско. Тогда все подвластные оному повинуются и отъ нихъ отпадутъ.“ Вслѣдствіе этого, въ Андреевку былъ посланъ изъ Кизляра ротмистръ Батыревъ съ оочанами и терскими казаками. 5-го Сентября присягнули Россіи владѣльцы и уздени, а 6 числа посланный офицеръ привелъ къ присягѣ въ вѣрности Ея Величеству жителей обѣихъ этихъ деревень. О событіи этомъ было донесено ген.-порутчику Павлу Сергѣевичу Потемкину, который только что прибылъ изъ Астрахани въ Екатериноградъ, для открытія Кавказскаго намѣстничества*). Кумыки каялись ему въ „своихъ виновностяхъ.“ Послѣ этого шиха уже „никто слушать не хотѣлъ.“ Должно быть, и остальные горцы постепенно покинули его. По крайней мѣрѣ 28 Сентября 1786 г. бригадиръ Вишняковъ такъ писалъ П. С. Потемкину:

„Посланные отъ владѣльца Доха уздени, сего числа возвратясь, донесли, что, по прїѣздѣ въ Шали, они не застали Ушурму и, развѣдая, нашли его наконецъ въ Алдинской деревнѣ „одного“ у его родного брата. Но поелику, кромѣ чеченскаго языка, никакимъ (другимъ) онъ говорить не умѣетъ, то, не вѣря никому перевода между ими изъ своихъ однородцевъ, привезли изъ Чиханской дер. извѣстнаго Шебетуку, чрезъ котораго повелѣніе вашего высокопревосходительства Ушурмѣ объявлено, что одно—его согласіе, когда онъ самъ явится къ в. в.-пр-ву и во всемъ раскается, а безъ того нигдѣ онъ не найдетъ себѣ мѣста, ибо приспѣваетъ время, по которому иногда и по неволѣ будетъ отданъ.“

Лжепророку обѣщано было полное прощеніе безъ всякаго наказанія, что посланные „подтвердили присягою.“ Однако на такое предположеніе Ушурма весьма резонно отвѣтилъ: „Генераль имѣетъ власть приказать мнѣ и я, какъ малодушный, не смѣю онаго не исполнить;“ добавивъ при этомъ:

— „Если все это такъ, то почему же вы не привезли съ собой посланнаго отъ меня къ вамъ моего шурина Эту, которому я все довѣрилъ? Такъ добрые люди не дѣлаютъ!“—упрекнулъ онъ присланныхъ узденей и сказалъ въ заключеніе: „пока шуринъ ко мнѣ не прїѣдетъ, никакого отвѣта я дать не могу.“

*) По положенію 1782 г. Астраханская губернія была раздѣлена на двѣ части: губернію Кавказскую и область Астраханскую, соединивъ ихъ подъ общимъ управленіемъ Кавказскаго намѣстничества, резиденціей коего былъ указанъ г. Екатериноградъ (нынѣ казачья станица того же названія въ Терской области). Правителемъ намѣстничества назначенъ П. С. Потемкинъ, который 8 Іюня выѣхалъ изъ Астрахани въ Екатеринодаръ для указанной цѣли. Главное же начальствованіе надъ всемъ этимъ краемъ ввѣрено кн. Гр. Ал. Потемкину съ титуломъ Астраханскаго, Азовскаго и Новороссійск. ген.-губернатора.

Дѣйствительно, нельзя не подивиться страннымъ пріемамъ пограничнаго начальства въ обращеніи съ Кавказскими горцами. Если требовалось добыть Ушурму, чтобы „запичужить“ его куда слѣдуетъ, то миссію эту не было надобности поручать какимъ то узденямъ, когда гораздо было бы проще послать воинскій отрядъ и, по указанію лазутчиковъ, накрыть его въ мѣстѣ укрывательства. Если же въ какихъ то соображеніяхъ хотѣли оказать ему милость, то порученіе это надо было возложить на того, кто пользовался большимъ его довѣріемъ.

Какъ доносилъ потомъ коменданту особо посланный конфидентъ нашъ, по отъѣздѣ узденей, Ушурма говорилъ своимъ близкимъ.

— Они пріѣхали звать меня въ Кабарду¹⁾ и въ безопасномъ походѣ присягу мнѣ дали, а о томъ, что братъ мой задерживается тамъ, они будто не знали. Развѣ я имъ повѣрю?

Послѣ этого бригадиръ Вишняковъ не придумалъ ничего лучшаго для захвата шиха, какъ послать къ его братьямъ „вѣрнаго человѣка“ „сказать секретно,“ что Эта находится у насъ, „будучи преданъ Ушурмою,“ и если они скорѣе успѣютъ поймать послѣдняго и доставить въ наши руки, то брата имъ отпустить обратно; если же — нѣтъ: „тогда я, — писалъ комендантъ, — извѣщу Генжебаеву фамилію, ищущую на немъ кровомщеніе, и если тѣ поймаютъ Ушурму, то братъ Эта будетъ отданъ имъ.“

Сообщая Потемкину объ этой своей незамысловатой выдумкѣ, бригадиръ Вишняковъ положительно утверждалъ, будто „знающіе ихъ расположеніе (люди) весьма увѣряются, что изъ сего долженъ непременно выйти важный оборотъ.“

Но онъ жестоко въ томъ ошибся. Ушурма оказался гораздо дальновиднѣе, чѣмъ о немъ думали пограничныя власти. Послѣ этого дня онъ скрылся куда-то и найти его не могли.

Прошло пять лѣтъ, какъ о немъ не было ни слуха, ни духа. Въ 1791 г. наши войска, подъ начальствомъ графа Гудовича, обложили турецкую крѣпость Анапу, на берегу Чернаго моря. Послѣ непродолжительной осады, 22 Іюня крѣпость была взята и совершенно разрушена; валы, бастіоны и батареи срыты, всѣ зданія сожжены, городъ превращенъ въ пепелъ, было потоплено много морскихъ судовъ и побито до 8 тыс. непріятельскихъ войскъ. Кромѣ 71 пушки, 9 мартиръ, 100 знаменъ и разныхъ магазиновъ съ боевыми и съѣстными припасами, было захвачено до 10 тыс. жителей об. пола и 6 тыс. военноплѣнныхъ, въ томъ числѣ командовавшій крѣпостью трехбунчужный Мустафа-паша, сынъ Батала-паши и *Лжепророкъ Шихъ-Мансуръ*²⁾. Вотъ куда онъ пробрался.

П. Юдинъ.

¹⁾ Резиденція намѣстника г. Екатериноградъ расположенъ въ районѣ Кабарды.

²⁾ Изъ донесенія полковника Савельева отъ 5 Іюля (Кизлярскій архивъ, вяз. 304).